

Высокое искусство с учетом мнения толпы

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– А я был там два года назад. Сегодняшний Баку не имеет никакого отношения к тому Баку, который был раньше. Это совсем другой город. Я жил в интернациональном городе, а сейчас это столица Азербайджана.

– Вы некоторое время после окончания университета работали в адвокатской конторе. Кого приходилось защищать?

– Да, полтора года я участвовал в процессах. Убийц не защищал, у меня были воров и хозяйственные преступления. Но это было так давно...

– Как юрист вы принимали участие в бракоразводных процессах Никиты Михалкова с Вертинской, и Волчек с Евстигнеевым.

– В те годы мы очень дружили с Галей Волчек, а она дружила с Настей Вертинской, и они попросили меня участвовать в

процессе как юриста. Я очень хорошо помню тот суд на Садовом кольце.

– А отношения с разводящимися потом не испортились?

– С Никитой мы познакомились более десяти лет назад. Он даже и не вспомнил об этом факте. А вот Евстигнеев очень разозлился на меня за то, что я выступал на стороне Волчек. Несколько лет мы с ним вообще не общались. А потом, когда он перешел во МХАТ, мы во-

зобновили очень дружеские отношения.

– Тридцать лет вы проработали в Институте международного рабочего движения АН СССР. Как ваша работа повлияла на это движение?

– А никак. Вообще-то название этого Института должно было быть другое – институт общественного сознания. Но в ЦК его не утвердили, и тогда наш директор, член-корреспондент АН СССР Тимофеев, придумал это назва-

ние. Оно давало возможность институту существовать. Он был крышей для многих интеллектуалов, в нем работали Мамардашвили, Замошкин, Гайденок, Давыдов, Карякин, Великовский. Я занимался театром, Мамардашвили писал свои философские труды, Великовский занимался французской литературой.

Этот институт и сейчас существует, после распада СССР его переименовали в Институт сравнительной политологии.

– У вас очень много переводов Уильямса. Почему именно Уильямс?

– Я очень любил его. Помню какое сильнейшее впечатление на меня произвела первая постановка Уильямса, это было в 60-х годах в Театре Моссовета. Пьеса называлась «Орфей спускается в ад». Там гениально играли Вера Марецкая и Серафима Бирман. Теперь я понимаю, что тот спектакль был далек от Уильямса.

В чем суть Уильямса? Это американский Чехов. Это поэтический реализм, лирическая трагедийность. Это писатель, который дотрагивается до тончайших движений человеческой души.

– Сегодня вы ходите в театр как зритель или как критик?

– Я сейчас мало пишу как критик. Да я скорее не критик, а историк театра. Сказать, что хожу как зритель, конечно,

нельзя. Меня очень часто зовут в разные театры, но времени нет. Стараюсь смотреть то, о чем много говорят, шумят.

– Вы, наверное, знаете, что есть такое понятие, как «джинса». Вы могли бы сделать нечто похожее?

– Наверное, не смог бы. Это не мое. Я всегда делал, что хотел, и никогда не делал того, чего не хотел. Это единственное, что держит меня на земле и всегда помогало мне. ■